

Предисловие

На тему любви написаны тысячи книг и сказано столько слов, что невозможно объять, наверное, все их количество силой человеческого мышления. Нет единого определения любви, но многообразие интерпретаций понятия любви говорят нам о разноплановости и многоликости этого феномена. Самые яркие образы любви можно найти в мировой и отечественной литературе. Например, образы Ромео и Джульетты, или Тристана и Изольды, или Руслана и Людмилы. Однако осмыслить любовь как целостный духовный феномен, который представлен во всем многообразии, стало возможным в философской традиции. Именно философия позволяет нам взглянуть на любовь вдумчиво, представляя ее как бриллиант, сияющий множеством граней.

Любовь предстает в качестве фундаментальной универсалии культуры, которая позволяет увидеть глубину человеческой природы и человеческих чувств. Любовь есть всегда стремление того, кто охвачен чувством, возвести объект обожания в максимальную ценность и важнейшую жизненную детерминанту. Как в мировой, так и в отечественной философии объектом любви

выступает не только отдельный человек, но и семья, Родина, природа, Бог, мир в целом.

Наиболее ярко целостный характер понимания любви проявился в русской философии. Русские мыслители связывали любовь не только с богатством души, но и с богатством национальных традиций. В творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, как и у других русских религиозных мыслителей, любовь выступает необходимым условием человеческой жизни. Отечественные философы подчеркивают деятельный характер любви, которая творит и преобразует человека, проявляется в его поступках и отношении не только к другому человеку, но и к самому себе.

Что касается различных философских подходов в понимании феномена любви, то европейская культурная традиция в этом особо не отличалась от культурных традиций Древнего Китая и Индии. Любовь и на Востоке, и на Западе изначально понималась как космообразующий принцип мироздания. Об этом свидетельствует многообразие бинарных мифов о сотворении мира, о прародителях космоса и Вселенной, всего существующего порядка. В древнегреческой мифологии это Уран и Гея, в древнеиндийской — Пуруша и Пракрити, в древнекитайской — Инь и Ян. Сакральное единство двух начал в древних мифологических системах порождает из первородного хаоса космос, структурирует мир. Таким образом, гармония и любовь противоположно-

стей составляют основу рождения мира как упорядоченного космоса, а любовь становится организующим принципом мироздания.

Если в мифологических системах любовь еще не становится предметом осмысления, то первые ее классификации и типы были предложены античной философией. Концепция Платона сыграла ключевую роль в определении понятия и создании первой классификации любви. Данная концепция стала источником для западноевропейской системы понимания любви в целом на основе античной традиции ее разделения на земную (плотскую) и духовную (небесную). Такая дихотомия получила развитие в различных вариациях и интерпретациях последующих поколений философов.

Думается, что в настоящее время, которое, как и начало XX века, характеризуется экзистенциальными и общечеловеческими кризисами, глобальными эпидемиями, человечество испытывает острый дефицит этого чувства. Философская мысль в этом плане может стать определенным утешением и средством обогащения, насыщения опустошенного внутреннего мира современного человека, так остро нуждающегося в любви. Любовь — это неизменный духовный принцип, присущий природе человека, который направляет и упорядочивает ее, способствует социализации человека, освоению культурных норм и норм взаимодействия с другими людьми. Любовь позволяет человеку чувствовать не только другого, но и самого себя, чувствовать

себя человеком. Вместе с тем любовь — это ценностный принцип, определяющий существование не только внутреннего мира отдельного человека, но и семьи, и страны, и общества вообще. Поэтому любовь представляет собой сложный и многоаспектный феномен, специфика которого состоит в диалектическом единстве противоположных начал: индивидуального и социального, телесного и духовного, земного и космического. Этим обусловлено многообразие подходов к понятию любви в историко-философской и культурной традициях, многообразие ее типологий и классификаций, которые предложены читателю в настоящей работе.

1

Любовь в античном мире

Первые попытки рационального осмысления феномена любви в европейской культуре мы находим в античной философии, в Древней Греции и Древнем Риме. Безусловно, мифологические сюжеты о любви существовали и в Древнем Китае, Древней Индии, Месопотамии и Древнем Египте. Однако именно античная культура попыталась описать любовь не просто как часть жизни отдельного человека. Она представила любовь в качестве особенного феномена, который принадлежит не только индивидууму, но и структуре бытия в целом.

Философия, находившаяся в центре античной культуры, давала представление о любви как важной сфере жизни, в которой человек может достичь более высокого уровня понимания мира. Любовь рассматривается как духовная сила, которая способна изменить и преобразить человека, обозначить его как личность. Впервые на это обратил внимание известный греческий философ Сократ, который считал, что истинная любовь вдохновляет человека на поиск истины, способствует духовному росту и преодолению эгоистических устремлений.

В античности любовь рассматривалась также и как особая эстетическая категория. Античные философы Платон и Аристотель говорили о связи любви с прекрасным. Так, согласно Аристотелю, любовь может воспламенить и вдохновить художника на создание произведений, отражающих красоту мира. Ведь в любви заложен потенциал, особая энергия, позволяющая человеку раскрыть и высвободить свой природный талант, раскрыть себя в творчестве.

Одно из наиболее известных выражений любви в античной философии — это понятие эроса (Эрота, как называли его древние греки). В античной культуре эрос рассматривался в целом как стремление к объединению с кем-то или чем-то извне для обретения полноты и гармонии. Эрос — это не только эмоциональное состояние; это то, что способствует самопознанию и достижению высшей истины.

Рациональное понимание феномена любви и первая ее классификация на отдельные виды в античной философской традиции восходит к Платону. До Платона о любви писали и другие древнегреческие философы (Гиппократ, Демокрит, Сократ). Однако именно у него мы встречаем первое целостное понимание любви и ее типологию, связанную с философской теорией идей.

Согласно Платону, существует идеальный и совершенный мир — мир идей (мир образов), который оформляет земной мир (мир несовершенный) по своему образу и подобию. Для объяс-

нения различия между двумя мирами, идеальным и материальным, Платон использует так называемый «Символ пещеры», уподобляя земную жизнь человека пребыванию в пещере:

«Посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Станный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, этого не думаю.

— Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх, в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и за-

давать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

— Конечно, он так подумает.

— А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

— Да, это так.

— Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору, и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

— Да, так сразу он этого бы не смог.

— Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

— И наконец, думаю я, этот человек был бы в со-

стоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

— Конечно, ему это станет доступно.

— И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере»¹.

Мир идей, по Платону, в отличие от несовершенного, земного мира — мира «в пещере» — так отдален от органов чувств, что постигнуть его можно только посредством разума, который позволяет созерцать прекрасное. Согласно Платону, это созерцание подвластно лишь тому, кто влечен любовью — Эросом:

«Прекрасное предстанет пред ним само по себе, будучи единообразным с собою, тогда как все остальные прекрасные предметы имеют в нем участие таким примерно образом, что они возникают и уничтожаются; оно же, прекрасное, напротив, не становится ни большим, ни меньшим и ни в чем не испытывает страдания. Цель же эта состоит в том, чтобы правильным путем идти или дать себя вести другому к “эротическим” делам: начиная от тех [одиноких] прекрасных предме-

¹ Платон. Сочинения в 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур-ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 349–351.

тов, постоянно восходить вверх ради этого [высшего] прекрасного, поднимаясь как бы по ступенькам, от одного прекрасного тела к двум, от двух ко всем вообще прекрасным телам, а от прекрасных тел к прекрасному образу жизни; от прекрасного образа жизни к прекрасным знаниям, наконец, от знаний к тому знанию, которое является знанием не чего-либо иного, но знанием того [высшего] прекрасного — все это для того, чтобы познать в конце концов, что такое прекрасное»².

Таким образом, для Платона созерцание прекрасного есть восхождение принципа любви от прекрасного тела к красоте души, далее — к философии и наукам и, наконец, к прекрасному как к благу. Любовь, ведущую человека к созерцанию прекрасного как блага, Платон называет Афродитой Уранией (Небесной), существование которой невозможно без Эроса (Эрота). Ведь Эрот по Платону был зачат в праздник Афродиты, поскольку ее рождение знаменует появление прекрасного, пробуждающего в человеке любовь. Именно любовь оплодотворяет жизненные потребности человеческой природы и устремляет ее к благу.

Общеизвестно такое понятие, как «платоническая» любовь. Действительно, это понятие принадлежит Платону, отсюда и название. Пла-

² Платон. Пир. М.: Российская Государственная Академическая Типография. Главлит № 4482, 1922. С. 60.